

МАТРИЦА РУСОФОБИИ И МЕНТАЛЬНО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В.П. БАБИНЦЕВ¹⁾
В.П. РИМСКИЙ²⁾

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾*e-mail: babintsev@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru*

В статье критически рассматривается русофобский политико-идеологический и псевдонаучный дискурс, возникший еще в начале позапрошлого века и постоянно возобновляющийся в различных ипостасях в отечественных научных, философских и культурных текстах и контекстах.

Ключевые слова: русская матрица, матрица русофобии, ментально-антропологический тип, культурные архетипы, российские культурно-цивилизационные системы, интеллектуалы, интеллигенция.

Название нашей статьи родилось из текстов и контекстов современного политико-публицистического дискурса, который представлен уже не столько газетами и журналами, как на исходе «перестройки-1», сколько сетевыми ресурсами, и в котором вновь начали возрождаться упреки в адрес «интеллигентов-прогрессистов» за их неумную и неумную апологетику «общечеловеческих ценностей», терпящих очередной крах на почве российской действительности, обремененной жесткими цивилизационными основаниями «русской матрицы», всегда авторитарной, тоталитарной и отнюдь не «общечеловечной».

Именно здесь мы обнаружили дискурс, очень похожий на «перестроечный»*. Составляют его следующие идеологические и мифологизирующие концепты.

1. *Цикличность и антиисторизм «русской матрицы»*, взбадриваемой периодическими расколами в циклическом культурно-цивилизационном и политическом развитии России: при этом маленькие циклы «либерализации» всегда сменяются «большими периодами» авторитаризма, деспотизма и тоталитаризма, в данный момент – «путинского деспотического режима».

2. Во всем виноваты «византизм» и «православность» русской цивилизации и «русской матрицы», определяющие ее чуть ли не манихейский эсхатологизм и особый «русский ментальный тип», обладающий чертами «стадности» и «мифологичности», антиличностным началом, что порождает потребность «народного стада» в ориентации на «царя-батюшку», «героя-избавителя» или «вождя», которые и устанавливают очередной «деспотический режим», подавляющий и «поедающий» маленького, простого человека.

3. «Интеллигенты-прогрессисты» (надо полагать «либералы» или «социалисты», хотя для нас это одно и то же – авторы), ведущие *навязчивую, неумную и неумную апологетику «свободы» и «общечеловеческих ценностей»* (да, это так – авторы), *терпят очередной крах* на почве жуткой «путинской» российской действительности, обремененной жесткими цивилизационными основаниями «русской матрицы», всегда авторитарной, тоталитарной и отнюдь не «общечеловечной».

Так вот, первое, что мы смеем утверждать: данный **набор концептов**, выделенный нами, происходит из арсенала «перестройки-2» и воспроизводит не некую абстрактную, выморочную «русскую матрицу» (хотя многие характеристики, в том числе отрицательные, действительно встречаются в русском культурно-цивилизационном архетипе!), а именно «матрицу русофобии», представленную в самосознании определенной части «русской интеллигенции», но неадекватно отражающую реальную историю оте-

* Мы берем в качестве наиболее репрезентативного из интернет-дискурса следующий текст: Пилипенко А.А. Проклятье русской матрицы // <http://apeliipenko.ru/Наука/Статьи/СтатьиО России/ПроклятьеРусскойматрицы.aspx>. Да, именно так – с грамматическими ошибками в словах «проклятие» и «русская» – статья вывешена на персональном сайте великого (надо полагать, русского) художника, писателя, философа и культуролога современности. Можно не уважать «народ», но русского языка надо как-то придерживаться...

чественных культурно-цивилизационных систем, реконструируемую в «полевых» и «архивных» практиках профессиональных историков-ученых.

Второе: из «текстов» и «контекстов» видно, что те, кто рождает подобные концепты, себя к «интеллектуалам» не относят, а числят, надо полагать, по разряду «интеллектуалов», как сейчас стало модно. Хотя не соблюдают основные правила нормального ученого-интеллектуала: запрет на плагиат, ссылки и знание предшественников (или современников) в науке (философии), более авторитетно, грамотно, объективно и инновационно работающих с наличным «массивом знания» (М.К. Петров). Например, с концептами «мифология», «матрица», «византизм», «империя» и т.п.

Попробуем разобраться по порядку. Итак, каков смысл и значение концепта «матрица» в арсенале гуманитарного знания? Здесь возникают не только первичные этимологические смыслы понимания некоей *изначальной жесткой формы, структуры-матки*, по образцам которой воспроизводятся те или иные системы, от культурных, ментально-антропологических и технологических до информационно-виртуальных. В нашей науке, как известно любому профессионалу, первым концепт применил почти пятьдесят лет назад родоначальник отечественной культурологии М.К. Петров¹. И хотя в современной философии культуры более прижились понятия «культурный архетип» или «культурная парадигма», несущие печать платоновского «мира идей», думаем, что довольно удобно оперировать и концептом «матрица». Тем более, что в сознании любого более или менее продвинутого в массмедийной культуре человека сразу же рождаются ассоциации с фильмом «Матрица», в котором идет борьба всеобъемлющей *виртуальной системы подавления* со «свободолюбивыми личностями» и столь же «свободолюбивыми человеческими коллективами», не желающими поддаваться контролю машинного интеллекта, захватившего власть вполне в духе «трансгуманизма»². «Матрица» стала для современной анархистствующей и антиглобалистской молодежи фактически новым виртуальным «манифестом коммунистической партии» или «медийным романом» типа «что делать?», взывающим к борьбе против любой Системы с большой буквы.

Нам не хотелось бы втягиваться в полемику, но уж больно надоела *матрица русофобии*, из года в год повторяющая одни и те же, примитивные с точки зрения здравого смысла, философии, истории и социально-гуманитарного знания аргументы по поводу якобы имеющей место в онтологии отечественной культуры «русской матрицы». Перед нами очередная попытка дилетантского конструирования этакой «русской матрицы», претендующая на открытие некоего «универсального кода русской истории», объясняющего если не все, то большинство негативных процессов в нашем далеком и близком прошлом, настоящем и угрожающем будущем антиисторичностью, антиличностностью и антиантропностью русской культуры. Подразумевается, что именно некая «русская матрица» предопределила русский тоталитаризм с его опять-таки многочисленными «ужасами», а теперь вновь, циклически их воспроизводит в «ужасном режиме Путина», опирающегося на «вечное русское быдло»³, т.е. на большинство народа, плохого, хорошего, но «народа»*, который, увы, не выбирают ни политики, ни «интеллигенция», ни «интеллектуалы».

Очевидно, что тот **набор концептов**, который мы выделили выше, воспроизводит в свою очередь типичную *интеллигентскую русофобскую мифологию*. Не повторяя этот набор мифологем, раскроем избитые и «слабые места» именно в рациональных моментах этих концептов.

Если мы сделаем ссылку на ближайший «массив знания», то данный концептуальный набор мы обнаружим не только у публициста-диссидента А.Л. Янова⁴, но и у вполне уважаемых ученых-интеллектуалов. Прямолинейный русофобский истори-

¹ См.: Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992; Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 1991 и др.

² См.: Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (145). – Вып. 23. – Белгород, 2013. – С. 5-17.

³ См.: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Быдло // <http://apelipenko.ru/Публицистика/Быдло.aspx>.

* Да, вечная «русская абстракция», ничего не дающая «уму», разве что-то «сердцу»?!

⁴ Янов А.Л. Русская идея и 2000-й год. Главы из книги // Нева. – 1990. – №9. – С. 143-164; № 10. – С. 151-175; № 11. – С. 150-175; № 12. – С. 162-171.

цизм довольно типичен для современности и постоянно воспроизводится в построениях отечественных авторов либеральной ориентации, для которых русская история – лишь череда *кривозеркальных имитаций Запада*, гонки за его «внешним блеском», а отечественный тоталитаризм, как и все авторитарные модификации, – продукт конфликта перманентной «догоняющей модернизации» России и ее культурного патриархально-общинного и авторитарно-этактистского наследия, перешедшего в XXI век. К сожалению, подобная точка зрения была представлена и в «серьезных», научных книгах, сборниках и статьях еще в конце прошлого века, и вновь упорно воспроизводится в различных – научных и паранаучных (особенно сетевых) – дискурсах.

Все эти мифологизирующие концепты, далекие от «полевых» и «архивных» научных исследований отечественной истории и культуры, фактически повторяют заезженные аргументы дореволюционной и постреволюционной русофобской матрицы, представленной, например, еще в полемике вокруг сборника «Вехи»⁵ и в работах некоторых эмигрантов «первой волны». При таком подходе русская история, древняя и новейшая, выступает продуктом «периферии европейской цивилизации», «восточной деспотией, преломленной новоевропейским сознанием» или «европеизмом, осуществленным на основе азиатского способа производства», а Россия рассматривается как «маргинальный», промежуточный тип цивилизации, рожденный между Западом и Востоком и наиболее адекватный модели тоталитарного проекта⁶.

Но любые, не только российские, формообразующие культурно-цивилизационные процессы не объяснить простым противопоставлением «традиционализм – модернизация» или признанием российского типа «маргинальной цивилизации» с ее постоянным «социокультурным расколом» (А.С. Ахиезер) или волнами «реформации – контрреформации» (А.Л. Янов). Не объяснить «национальной спецификой» и сложение тоталитарной парадигмы: разве европейский традиционализм или европейская модернизация не выступали в форме «французской» или «английской» специфики? Разве Европа не прошла через все мерзости «первоначального накопления капитала»? Разве немецкий или итальянский тоталитаризм вырос не на европейской «модернизационной» индустриальной почве и в результате аналогичной «догоняющей» Англию модернизации? Может они питались почвой «русского традиционализма»? И почему только по отношению к России можно говорить о «социокультурном расколе»? Разве эпоха европейской Реформации не была таким же глубинным «социокультурным расколом», порожденным глобальным кризисом традиционной христианско-католической цивилизации, который и был углублен и в середине XIX века, и в начале XX века?

И вообще стоит задаться вопросом: что нормальнее для человеческого бытия – традиционализм или индустриальная цивилизация? Не были ли капиталистическая индустриализация и модернизация, как и научно-техническая революция, сами по себе «вывихом» в истории человечества, как считал, например, М.К. Петров? Он справедливо писал о культурно-исторических типах: «Если развитость исчерпывается датой появления на свет, – и все, возникающее позже, обязано быть более развитым, то европейский универсально-понятийный тип, бесспорно, был и остается более развитым. Если же развитость определена по другим критериям, по способности общества, например, хранить и передавать в эстафете поколений некоторый объем знания и навыков, положение меняется: вплоть до XVII-XVIII вв., до начала технологических применений науки, верхнюю ступеньку развития занимали страны традиционной культуры»⁷.

Следующее, что необходимо заметить по поводу употребления столь модных понине понятий «традиционализм» и «модернизация», так это их генетическое родство с марксистскими понятиями «первичная» и «вторичная» формация, замаскированными под термино-

⁵ См.: Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. – М., 1991.

⁶ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социо-культурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск, 1997; Ерасов В.С. Социальная культурология.: Пособие для студентов вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1997; Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры: учеб. пособие. – М., 1997; Тоталитаризм как исторический феномен. – М., 1989; и др.

⁷ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992. – С.60; также см.: Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 1991 и др.

логию культурно-цивилизационных методологий или теорий постиндустриализма. Однако, как бы мы ни критиковали догматический марксизм за линейно-эволюционный прогрессизм формационной методологии, у творцов русофобской матрицы, например, достаточно часто дихотомия «традиционализм – модернизация» претерпевает инверсию и превращается в не менее абстрактную схему «Восток – Запад», которая фактически стала идеологемой и в западноевропейской культуре, философии и науке.

Странно, что подобный неисторический европоцентризм допускают даже серьезные исследователи культур и цивилизаций восточного региона. Создается порой впечатление, что антиисторизм и абстрактный схематизм только и нужны авторам для идеологических целей – дабы доказать «восточность» России, ее извечную, «архетипическую» неевропейность, неспособность к свободному самоопределению и саморазвитию, фатальную «тоталитарность» русской идеи, раболепие русского человека перед любой властью. Последнее напрямую выводит нас и на следующий мифологизирующий концепт матрицы русофобии.

Да, в традиции профессиональной либеральной интеллигенции связывать русскую матрицу с «азиатчиной» России. Многие договариваются не только до того, чтобы указать на связь «российского раболепия», сервиллизма с православным христианством, но и принимают культурно-цивилизационный уровень России до слабо развитых африканских стран, что не делали самые отъявленные русофобы всех времен и народов. «Ведь Россия не просто Восток, – утверждал, например, серьезный востоковед, – как и православное христианство не только восточная его ветвь. Дело даже не в том, что Россия волею истории всегда была больше Востоком, чем Западом, хотя, начиная по меньшей мере с Петра, активно и осознанно дрейфовала в сторону Запада, перенимая, вопреки яростному сопротивлению консерваторов, многие европейские нормы и институты. Главное, что отличает Россию не только от просвещенного Запада, но и от классического Востока (и что, увы, сближает ее разве что с Африкой), – это характерные именно для нее формы сервильного комплекса»⁸. Мы не будем обращаться, например, к авторитету Ясперса, который утверждал, что наличие в истории человечества «осевого времени» делает весьма относительным деление культур и цивилизаций на «восточные» и «западные» и делает само понятие «Востока» довольно условным. Мы сошлемся на мнение Г.П. Померанца, культуролога, идеологически «близкого» к кругу либеральных авторов. Вот что он писал в замечательном эссе «Долгая дорога истории»: «Переход к Новому времени, таким образом, жестко фиксируется во времени (отсекая Возрождение) и в пространстве: очагом модернизации признается только небольшая группа стран (Англия, Голландия, Скандинавия, Франция). Страны, захваченные рефеодализацией, – Германия, Италия, так же как Испания, – трактуются в качестве «Незапада». Условность такого деления очевидна... Наконец, история Германии и Италии действительно перекликалась временами скорее с развитием России или Японии, чем Англии или Голландии. Можно заметить, что с этой точки зрения и Франция не всегда ведет себя «по-западному»⁹. Как говорится, комментарии излишни – можно не любить Россию, но надо быть добросовестным интерпретатором культурно-исторического материала.

Следует отдать должное и Марксу, который при всей своей «нелюбви» к имперской России был более историчным и конкретным при рассмотрении многообразных общественно-экономических и культурно-исторических форм традиционализма. Маркс в ряде работ прямо указывал на многообразие традиционных обществ, выросших из разложения первобытной, кровнородственной общины: он выделял азиатскую, славянскую, семитскую, греческую, римскую, германскую и предполагал наличие других форм традиционных обществ. При этом Маркс никогда однозначно не связывал Россию с «азиатским способом производства», что сплошь и рядом делают параученые, интерпретируя отечественную историю, хотя и допускал вольные трактовки российской специфики.

И еще один момент, связанный с тем, что бедной «Византии» не только не повезло в «европейской науке» с объективной идентификацией (восточно-православная Рим-

⁸ См.: Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 9. Увы, это слова ведущего ученого-востоковеда Л.С. Васильева.

⁹ Померанц Г.С. Выход из транса. – М., 1995. – С. 243-244.

ская империя с позапрошлого столетия и до сих пор называется по археологической раскопке маленького городка), но и вообще с научным исследованием.

Мы неоднократно отмечали¹⁰, что во многих обобщающих трудах и почти во всех популярных учебниках по истории культуры или истории философии, а часто и по всеобщей истории существует громадная «дыра» почти в тысячу лет, именуемая «Византийской цивилизацией». В истории философии «византийский след» обрубается на «патристике», вершиной которой чаще всего объявляется Блаженный Августин, а о великих православных учителях Церкви, «Трех светочах Капподокийской Церкви», утвердивших основные догматы веры христианской, – Василии Великом, Григории Богослове и Григории Нисском (где уж Иоанну Златоусту!) – вообще упоминают вскользь. Дионисий Ареопагит (для Запада он всегда будет «псевдо») и Иоанн Дамаскин, без которых немислима католическая схоластика, предстают как безродные «греческие космополиты», не имеющие «восточно-православной прописки», а последний – и «мусульманского отечества». Никто не пытается даже объяснить, почему вершина католической философии в XIII веке совпадает с захватом крестоносцами части «византийской империи» и ее столицы, а «заря Возрождения» – с окончательным падением Константинополя под ударами османов и бегством греческих интеллектуалов, философов и богословов в ближайшие итальянские пределы.

Во тьме новейшей схоластической книжности, подверженной европоцентристской схематике и модернизации с их примитивной однозначностью и нетерпимостью, наиболее полно усвоенными современными параучеными, пропадают величайшие достижения человеческой культуры, будто их и не было. И лишь профессиональные византинисты-ученые пытаются по археологическим артефактам и пыльным рукописным спискам реконструировать образ великой Римской Православной цивилизации, без которой не было бы возможно развитие всей западноевропейской культуры от средневековья до наших дней*.

Мы не будем останавливаться на объективно-научной оценке антиправославных модусов матрицы русофобии, так как это требует вообще отдельной статьи, а лучше усилий целого творческого коллектива.

И обратимся к третьему пункту, выделенного нами концептуального набора «матрицы русофобии». Так кто же такие «интеллигенты-прогрессисты» и «интеллигенты» вообще? Мы не будем вдаваться во все определения, так как к таковым часто относят лишь представителей определенной культурной группы в истории России, а также опустим тонкости споров, восходящих к позапрошлому веку. Мы дадим свое понимание и «визуализацию» это сложного феномена, опираясь на роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»¹¹, эту энциклопедию кризисной жизни пореформенной, «переходной ко всему лучшему, эпохи». Очень симптоматичные аналогии здесь напрашиваются, с поправкой на промежуток «советской цивилизации».

Думаем, что те авторы, которые вновь говорят о некоей вековой «русской матрице», обрекающей нас на «очередной виток рабства», отнюдь не принадлежат к разряду интеллектуалов, а именно к *интеллигентам-имитаторам*, в очередной раз производящих избитые до оскомины аргументы против «русской ментальности» и «русской истории».

Итак, *первый ментально-антропологический тип «интеллигенции»* – сам развратный старик Федор Карамазов: вполне «образованец», по меткому выражению А.И. Солженицына («интеллигент» в некотором роде), всегда в курсе «интеллектуальных веяний» (не случайно сразу же нашел общий язык с Иваном, своим сыном, интеллектуалом-прагматиком), типичный представитель правящего класса, самого низшего его

¹⁰ См.: Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004. – С. 51-58; Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: колл. монография / под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2012. – С.106-107; и др.

* Как и без Арабских халифатов, которые в средние века импортировали в западную Европу не нефть и терроризм, а тексты Платона и Аристотеля.

¹¹ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I-X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. – Л., 1976. – Т. 14; Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. XI-XII. Эпизод. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. – Л., 1976. – Т. 15.

«звена», сумевший в мутной воде реформ половить рыбку и нажать до «ста тысяч рублей чистыми деньгами», который научился «обделывать свои имущественные делишки», пройдя выучку у одесских инородцев, и открыл по уезду сеть кабаков и подпольную практику ростовщичества. Не напоминает ли он нам «среднее и низшее звено» партийно-комсомольской номенклатуры на заре «либеральных реформ» и самых первых «младореформаторов» наших «лихих девяностых», пошедших во власть и занявших посты в новой номенклатурной иерархии? Они ведь тоже были вполне образованы и сейчас обидятся, если мы их не отнесем к «интеллигенции». Да и многие из них обзавелись диссертациями тогда и в нулевые годы нового века, когда предпочли «руководить» наукой или культурой в качестве «эффективных менеджеров». Правда, большинство из наших образованцев («Федоров карамазовых») уже не обладают той особенной, «национальной бестолковостью», как их матричный прототип, так как прошли выучку на Западе (порой еще в советские времена), как и по преимуществу другой «тип интеллигенции».

Вот он по большому счету и относится к *«интеллигентам-прогрессистам»*. Это Петр Миусов, двоюродный брат первой жены развратника Карамазова, «человек особенный между Миусовыми, просвещенный, столичный, заграничный и при том всю жизнь свою европеец, а под конец жизни либерал сороковых и пятидесятих годов. В продолжение своей карьеры он перебивал в связях со многими либеральнейшими людьми своей эпохи, и в России, и за границей, звал лично и Прудона и Бакунина и особенно любил вспоминать и рассказывать, уже под концом своих странствий, о трех днях февральской парижской революции сорок восьмого года, намекая, что чуть ли и сам он не был в ней участником на баррикадах». Ну, чем не диссиденты советской поры, растерявшиеся под напором ельцинского, а затем и путинского авторитаризма? И растерявшие свой либерализм и надежды на торжество «общечеловеческих ценностей» в реформируемой России?

Иван Карамазов представляет тот ментально-антропологический тип здравого *интеллектуала-прагматика*, занятого в сфере духовного производства, которому безразличны ценности Запада или России – лишь бы «дело делать». Он, «кончив гимназию, поступил в университет», «принужден был всё это время кормить и содержать себя сам и в то же время учиться», «оказал всё свое практическое и умственное превосходство над тою многочисленною, вечно нуждающеюся и несчастною частью нашей учащейся молодежи обоего пола, которая, в столицах, по обыкновению, с утра до ночи обивает пороги разных газет и журналов, не умея ничего лучше выдумать, кроме вечного повторения одной и той же просьбы о переводах с французского или о переписке», а «в последние свои годы в университете стал печатать весьма талантливые разборы книг на разные специальные темы, так что даже стал в литературных кружках известен». Не правда ли узнаваемо? Ведь многие из нас могут себя вполне отнести к этому типу, «полезному отечеству» во все времена? Интересно и другое: Достоевский в качестве прототипа использовал образ реального Ивана Шидловского и философа Владимира Соловьева¹², своих близких друзей в разные времена жизни. Последний, как известно, внес свою лепту не только в правильную критику недостатков «русской действительности» и русской истории, крайностей западничества и славянофильства, но и, увы, в формирование некоторых архетипов «матрицы русофобии», развитых его не критичными апологетами.

И, разумеется, совестливый *православный послушник* Алеша Карамазов, столь возвеличенный нашей «консервативной интеллигенцией», взыскующей Бога и «национальную идентичность», как в пореволюционные годы и времена антисоветской эмиграции, так и в нынешнее постсоветское лихолетье. Алеша «всегда стоял по учению из лучших, но никогда не был отмечен первым», «вовсе не фанатик... даже и не мистик вовсе», «просто ранний человеколюбец», которого монастырская дорога поразила, представила «идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души» и «на ней он встретил тогда необыкновенное по его мнению существо, – нашего знаменитого монастырского старца Зосиму»; «людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил совершенно веря в людей, а между тем никто и никогда не считал его ни простячком, ни наивным человеком. Что-то было в нем, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит.

¹² См.: Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. – Саратов, 1975. – С. 110-113.

Казалось даже, что он всё допускал, ни мало не осуждая, хотя часто очень горько грустя». Мы понимаем, что нас осудят многие наши православные братья, скажи мы слова осуждающие... Но мы не судим, а констатируем факты (может, и в духе Ивана-интеллектуала).

Так вот, этот ментально-антропологический *тип православного интеллигента* Достоевский сам намеревался «отдать в революцию» и казнить за «политическое преступление» (факт общеизвестный). Об этом пишет М.С. Альтман, ссылаясь на авторитет дневников умеренного либерала-западника А.С. Суворина и подкрепляя установлением генезиса фамилии Карамазовых прямо из фамилии революционера-террориста Каракозова¹³. Да, из него потом вполне мог получиться если не Борис Савенков (в его кровавых романах полно богоискателей!), так уж точно кто-либо из творцов «нового религиозного сознания» в духе Николая Федорова (заманчиво было «воскресить» отца-грешника!). Не правда ли, знакомый нам тип постсоветского интеллигента, вечно взыскующего «града справедливости» на небе, а на деле отворачивающегося от мерзостей земной жизни или пробавляющегося «мелкими делами» благодетельности, верящего в «преображение власть имущих на ценностях христианства»?

Ну вот, скажете, и здесь ничего светлого... Погодите, мы еще уж самое мерзкое не обозначили.

Да, верно, Смердякова, «бульонщика» и лакея, бастарда от соития образованца Федорова Карамазова, представителя господствующей помещичье-буржуазной «элиты», и Лизаветы Смердящей, юродивой из народа и любимой народом. Смердяков, благоговейший перед интеллектуалом Иваном, – «точно иностранец, точно благородный самый иностранец». Вот кредо этого *квазиинтеллигентного «руссофоба-нацифиста*: «Я всю Россию ненавижу... Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю напротив уничтожения всех солдат-с... В Двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо кабы нас тогда покорили эти самые французы: Умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с... Если вы желаете знать, то по разврату и тамошние и наши все похожи. Все шельмы-с, но с тем, что тамошний в лакированных сапогах ходит, а наш подлец в своей нищете смердит, и ничего в этом дурного не находит. Русский народ надо пороть-с... Они меня считают, что я бунтовать могу; это они ошибаются-с. Была бы в кармане моем такая сумма и меня бы здесь давно не было...».

Можно и Митю Карамазова, спивающегося интеллигента-военного, и его покойную мать Аделаиду Ивановну, сбжавшую с «погибавшим от нищеты семинаристом-учителем» и беззаветно пустившуюся «в самую полную эманципацию», описать и эксплицитировать по маргинальным судьбам прошлой и нынешней отечественной интеллигенции. Правда, не найти у Достоевского интеллигентов-технократов, рубящих «вишневые сады» Карамазовых, как и обитателей этих садов, упорхнувших чайками в Москву и пополнивших субкультуру литературно-артистической богемы. Это у Чехова в текстах.

Но именно Смердяков для нас олицетворяет законченный ментально-антропологический *архетип «руссофобской матрицы» российской интеллигенции*.

Мы призываем вас, дорогие коллеги, не относить себя сразу к тому или иному феноменологическому типу российской интеллигенции и обижаться, так как если окунуться в классику американской или немецкой литературы двух последних столетий, то и там мы найдем нечто вполне похожее. И все мы в те или иные минуты жизни вели себя как типичные «интеллигенты», в тех или иных экзистенциальных и повседневных ситуациях...

Следует нам вернуться к обозначенному выше различию «интеллектуалов» и «интеллигентов». Тем более, что оно уже назревало в начале века, особенно в споре, например, Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, с одной стороны, и П.Н. Милюкова, с другой¹⁴. При этом оппоненты не так уж были далеки от того, чтобы найти «точки соприкосновения» в этом вопросе. Их потом нашла «русская революция» и эмиграция. К этому вопросу мы специально обратимся в статье, посвященной «гетерогенному хронотопу русской

¹³ См.: Альтман М.С. Достоевский. По векам имен. – Саратов, 1975. – С. 117-120.

¹⁴ См.: Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. – М., 1991.

философии». А сейчас нам интересно актуализировать выявленную «феноменологию русской интеллигенции».

Мы не будем вдаваться во все имеющиеся определения, а попробуем дать собственные.

Действительно, есть смысл развести понятие «**интеллектуалы**», понимая под ними *работников «умственного труда» – творцов и трансляторов нового – в сфере власти, экономики и духовного производства (науки, образования и культуры)*, ориентированных, как правило, на консервативные духовно-нравственные ценности (*традиционные религиозные или традиционные гуманистические*), и, собственно, **концепт «интеллигенция»**, которую Достоевский и другие наши литературные классики так тонко, – кто с иронией и сарказмом, а кто с грустью, – описали в своих литературных произведениях.

Если дать наше понимание первичных смыслов концепта «интеллигенция», то под данной социальной и ментально-антропологической группой мы также понимаем *работников «умственного труда»*, но которые *в сфере духовного производства и культуры занимаются не столько трансляцией нового, сколько имитацией новых образцов, технологий, навыков, идей и культурных продуктов*, что вполне нормально, так как культура и общество держатся на хребте повтора, «репродукции» (М.К.Петров), технологий, образования, но интеллигенция при этом, по нашему мнению, **мнит себя творцом** не только в сфере культуры и духовного производства, сколько **в сфере неких духовно-нравственных инноваций** или, как говорили в XIX веке, «**веяний**», компенсируя таким образом свою не творческую, а **вторичную, подражательную природу**. Более или менее ясное осознание своей вторичности и непродуктивности требует компенсации в виде неких идеологем, оправдывающих бытие интеллигенции. И не случайно она вечно «болеет» то за «народ», то «за Россию», то за «общечеловеческие ценности и гуманизм», то за «возрождение духовности и православия», забывая о реальном, дисциплинированном труде на благо простого, живого и «близкого» человека «здесь и сейчас».

Мы перечислили в одном ряду столь порой несовместимые аксиологические концепты потому, что в сознании российской интеллигенции они так перепутаны. Да и нынешние Смердяковы охотно надевают личины «православных послушников», отращают бороды и радеют за «матушку Рассею», нанося непоправимый урон и России, и православию как социокультурному институту (но не мистическому телу Христову!). А Иваны Карамазовы в качестве эффективных менеджеров руководят «возрождением России» и «возрождением православия».

Именно «интеллигенты» не были востребованы и выброшены на обочины жизни «индустриальной волной» (Тоффлер), столкнувшейся с миром традиционализма в эпоху капитализма и социализма – этих двух её ипостасей, этаких «девятых валов» индустриализма двух последних столетий. Триумфальное шествие либерализма в России и неолиберализма на Западе в конце прошлого века было не накатом новой «постиндустриальной волны», как мечтал Э. Тоффлер, а *реанимацией идеологий, экономических, политических и культурных практик прошлой, индустриальной эпохи*, которая сопровождалась распространением эйфории от происходящего в кругах образованной интеллигенции, к коим в определенные моменты нашей жизни принадлежали и все мы.

Но это сладостное ощущение испарилось тогда, когда, казалось бы, остается лишь пожинать плоды почти абсолютного триумфа «глобализма» и «общечеловеческих ценностей». Победа и доморощенного либерализма, некритически ориентированного на западный неолиберализм, и иноземного оказалась не совсем тем, о чем мечтали его адепты: желаемый интеллектуальный, политический, культурный и бытовой комфорт «постиндустриализма» не был достигнут, а ограничиться воспоминаниями о недавнем «боевом прошлом» они до сих пор не желают.

Интересно, что на Болотную (и в ослабленном составе на другие площади российских городов), чтобы инициировать перманентную «перестройку-2», вышли почти все обозначенные типы «интеллигенции», разной политико-идеологической ориентации – от коммунистов и анархистов до либералов и националистов-патриотов. Если кто-то зачислит всех этих «сетевых хомячков», «офисный планктон», «гламурно-богемную моло-

дежь» и вполне успешных «эффективных менеджеров» (много им сочувствующих в это время сидело и в правительственных кругах)*, одним словом, «креативный класс»* в адекватных представителях «постиндустриальной волны» и «класс интеллигенции», то, скорее всего, они ошибутся.

«Постиндустриализм» скончался в практиках глобализации, терроризма и вяло текущих, вполне индустриальных экономических кризисов и их «преодоления», не успев еще и народиться. Этого то и не видят те современные отечественные представители выделенных феноменологических типов «интеллигенции» (как и правители Запада и России), так как они, принадлежа к одному из них, ведут бесконечную и бессмысленную полемику, посыпая пеплом свои головы, а оппонентов поливая нечто другим...

Иная, очевидно, не готовая и не способная к *активным практикам* часть «интеллигенции» предалась самоудовлетворению в традиционной для нее форме гиперрефлексии, сделав, как обычно, её объектом российскую (в основе своей русскую, православно-христианскую) историю и культуру. Ну, и, разумеется, «кровавый режим Путина».

И если для большинства людей, занятых мало оплачиваемым интеллектуальным творчеством и духовным производством, но не относящихся к «интеллигенции» и «креативному классу», рефлексия служит способом познания и самопознания, то для представителей последней, рефлексивно-пассивной группы она является технологией повышения уровня адреналина в собственной крови и имиджевого статуса в сети на основе «конструирования ужасов» и «игры в бисер» с нравственными ценностями.

Отметим одно: было бы самым простым решением отнести к русофобским позициям как к системным провокациям. Но, во-первых, речь идет о довольно серьезных вещах, а порой и о серьезных интеллектуалах-интеллигентах (тип Ивана Карамазова!). Во-вторых, они, скорее всего, еще не раз будут в той или иной мере воспроизводиться в научной литературе и публицистике.

Более того, даже с позиции изначального неприятия идеи негативной «русской культурной матрицы» или как мы ее назвали «матрицы русофобии», которую, скорее всего, займут «отечественные патриоты», нельзя отрицать возможности и даже необходимости обсуждения проблемы наличия в русской истории некоторых *архетипических констант*, в том числе и *отрицательных*, не только определявших ее ход, но и *оказывающих реальное воздействие на настоящее*. Угодно назвать эти константы матрицей? В принципе не возражаем. Как не возражаем и против того, что многие **негативные характеристики отечественной культуры и цивилизации** имели и имеют место быть, а также требуют своего **объективного научного анализа**.

Проблема в другом: как трактовать эти константы, в чем усматривать их происхождение? Русская ментальность, на наш взгляд, действительно имеет весьма существенную особенность, которая не делает ее исключительной (упаси, Боже!), поскольку «особенными», как мы отмечали, являются ментальности любых этносов и цивилизаций. Эта наша «особенность» выражается в противоречивости, в склонности к крайностям, как подчеркивали в свое время еще и Н.А. Бердяев, и А.В. Гулыга. И, скорее всего, это действительно доминантная черта национального русского характера, которая требует не только изучения, интерпретации, но и учета в реальных практиках духовного производства и управления.

Противоречивость, разорванность русской культуры и ментальности не просто их структурная характеристика, но сущностное, качественное определение. Она выражалась настолько отчетливо и масштабно, что, практически не вмещалась в картины мира внешних наблюдателей, порождая мифы о «загадочной русской душе». При этом противоречивость давала недоброжелателям мощное оружие в идеологической экспансии против России. Они всегда могли акцентировать внимание на комплексе негативных харак-

---

* Разумеется, среди них было много студентов, интеллектуалов из академической, университетской и творческой художественной среды, но не о них как таковых, конкретных живых людях идет речь, а о тех «ценностных ориентациях», на которые они оказываются падки, воспроизводя архетипы «интеллигенции» и не задумываясь о призвании интеллектуала.

* Творческой может быть *только личность*, конкретный, живой человек-творец, но никак не «класс», не некий «коллективный субъект» творчества. Это все издержки гегельянства и марксизма.

теристик русского бытия, выстраивая его образы в соответствие с религиозными, политическими и даже эстетическими установками.

На этой почве и рождаются наиболее популярные «современные мифы»¹⁵, как традиционные, так и достаточно новые, посткоммунистические. Мы о них уже писали¹⁶, но вынуждены повторить.

Во-первых, *метафизический миф русской идеи*. Этот миф продуцируется уже в XIX веке во всевозможных версиях модерна: славянофильской и почвеннической (консервативно-либеральный вариант); народнической (либерально-демократическая версия) и официально-имперской (консервативная форма). Очевидно, что тоталитарные революции начала XX века показали несостоятельность всех модернистских версий «мифа русской идеи». Потому в XX веке мы и наблюдаем как *гибридные формы* мифа «русской идеи» (евразийство), так и *мутантные* (большевистский миф о построении социализма в одной стране). Все эти формообразования в превращенном виде присутствуют и в самосознании постсоветской России вполне в духе постмодернистской эклектики, являясь продуктом самых разнообразных властных, оппозиционных и идеологических субкультур и практик.

Миф русской идеи или «поиск» таковой во всех теоретико-идеологических спекуляциях претендует на то, чтобы стать базовым. Но ирония в том и заключается, что в современной России «базовым» он может быть только в пространстве массовой (прежде всего, политической) культуры, так как условий для создания «базового метафизического мифа» русской идеи в постмодернистской ситуации современной России нет и не будет.

В связи с мифом русской идеи уместно рассматривать и *миф о возрождении России* (функционирующий в этом же культурно-идеологическом контексте *миф о возрождении православия* мы опустим в силу болезненности темы и для атеистов, и для воцерковленных людей). В этом плане весьма показательным стал виртуально-социологический проект «Имя Россия. Исторический выбор 2008», в котором приняло участие почти 4, 5 миллиона интернет-респондентов и 12 экспертов-присяжных. Во-первых, интересен выбор экспертов, среди которых были в основном представители, «раскрученные» в медийном масскульте, и фактически отсутствовали академические ученые (интеллектуалы). Во-вторых, мнение интернет-респондентов и экспертов-присяжных радикально разошлись, что говорит об ангажированности экспертов, об их отрыве от «народных масс». И, в-третьих, собственно социологическое исследование, сопутствующее проекту, показало, что в общественном мнении *всех поколений* безусловно лидировали Петр I, Ленин и Сталин.

Напрашивается вопрос: так какую Россию мы возрождаем? На наш взгляд, проект «Имя Россия» показал, что миф «о возрождении России» дробится в реальном сознании на *множество субкультурных мифов* «возрождаемой России». Нам надо не «возродить» какую-то вымышленную Россию, а учиться жить в реальной стране, в конкретном государстве – *здесь и сейчас*.

Следующей модификацией метафизического мифа русской идеи является *миф этнокультурной идентичности России*, который также связан с мифами о «возрождаемой России»¹⁷. Прежде чем ответить на вопрос «куда мы идем и что мы возрождаем?», уместно

---

¹⁵ Вообще-то некоторым авторам следует грамотно различать «мифологию современную» и «мифологию традиционную», прежде чем о чем-то писать. Подробнее см.: Римский В.П., Трунов А.А. Мифология модерна и постмодерна в контексте христианского толкования истории // *De die in diem: Памяти А.П. Пронштейна*. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 93-109; Римский В.П. *Метаморфозы мифологии модерна и национально-либеральный проект «модернизации» России* // *Россия: духовная ситуация времени*. – М., 2007. – №3-4. – С. 35-45; Римская О.Н., Римский В.П. Современное мифосознание и субкультурные религии // *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*. – №8 (128). – Вып. 20. – Белгород, 2012. – С. 67-74 и др.

¹⁶ См.: Римский В.П. *Субкультурные мифы и рационализации в российском самосознании* // *Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала* (2009; Москва-Белгород). 4-я Всероссийская конференции «Проблемы российского самосознания», 27-29 мая 2009 г, Москва – Белгород. – М., 2010. – С. 53-57.

¹⁷ См.: Римский В.П. *Отложенные кризисы этноидентичности в современной России: теоретические стереотипы и политические мифы* // *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*. – №20 (115). – Вып. 18. – Белгород, 2011. – С. 359-367.

было ответить на вопрос «кто мы?». Но вместо трезвого ответа на вопрос «кто мы, русские?» (а здесь мы опять найдем целый субкультурный мифологический веер типа «казаки от казаков») мы создаем официозный, безжизненный миф о «российской идентичности», «миф о россиянах». Как может латинизированный этноним «Россия», производный от «Русь» и «Россия», вносить столько соблазнов в наше массовое и теоретическое сознание? Если мы, русские, не определимся с собственной идентичностью, то будем столь же извращенно подавлять этнокультурную идентичность чукчей, татар, вайнахов, евреев и других субэтносов России, как это делали в период имперской и большевистской России. От ответа на эти вопросы и от качества продуцируемых мифов идентичности России будет зависеть и то, как мы будем выходить из переживаемого нами *второй раз за столетие культурно-цивилизационного кризиса*, который затрагивает не столько техно-экономические и техно-политические основания жизнедеятельности человека, сколько глубинные, органические основы его бытия.

В посткоммунистической России на смену классическим и неклассическим идеологиям-мифам пришли «эрзац-идеологии», «ситуативные идеологии», «локальные идеологии» и т.п. виртуально-мимолетные «идеологические фаст-фуды» (И. Задорин).

Дело в том, что при всех виртуальных изысках постмодернистской эпохи в информационно-мифологическом бульоне остаются стержневые «классические» мифы-идеологии – либерализм, социализм и консерватизм. Они лишь обрастают «кристаллами» сиюминутных идеологем, выполняя роль ментальных «скреп», «пограничных столбов» в водовороте жизненных практик безграничного «сетевого» постмодерна. В силу этого классические идеологемы постоянно соединяются друг с другом, создавая некоторые мутантные формы. Западноевропейские либералы успешно занимаются социальными проектами, социалисты – рыночной экономикой, а консерваторы интегрируют и «консервируют» и либеральные «свободы», и социалистическую «справедливость», и традиционалистский «национализм».

Многие аналитики и публицисты спешат толковать действия «питерской» политической элиты, постоянно сближая ее с «неоконами» США и Европы. Здесь можно со многим согласиться, кроме одного: наш нынешний консервативный (национальный) либерализм – не «новая идеология», а постмодернистская мутация старых, стержневых мифологий модерна. А для России подобная «эклетика» наиболее типична, так как мы в силу специфики нашей «догоняющей модернизации» всегда трансформировались и развивались в превращенных и *мутационных культурных формах* (правд, мутация часто задает и инновационность).

Мифотворцев, как правило, невозможно упрекнуть в подтасовках и мистификациях, ибо все было и есть: и цикличность, и расколы, и антиисторичность, и антиличность/антиантропность, и тоталитаризма, и «деспотические режимы».

Но было и другое – **попытки выйти из круговорота мифов**, воплотившиеся, в частности, в формировании высочайшей по уровню профессионализма отечественной исторической школы; формировании образа порядочного человека («честь имею» – в среде дворянства и военных; «держу слово» – среди предпринимателей и купечества).

Противоречивость русской культурно-цивилизационной основы, действительно, довольно негативно сказывалась на многих аспектах общественной жизни, так как требовала огромных ресурсных затрат (личностных и общественных) на разрешение возникающих на этой почве конфликтов. А поскольку общество в силу различных внешних и внутренних причин, практически, всегда испытывало их дефицит, естественная установка на соединение противоположностей реализовалась крайне непоследовательно, модифицируясь в зависимости от ее носителей. Для большинства населения она сводилась не к интеграции, но к *комплятивности* – механическому соединению элементов мировоззрения, повседневного бытия, отношения к окружающим. При этом соединение, казалось бы, несоединимого не вызывало затруднений, но вело лишь к изменению поведенческого образца, которое считалось вполне естественным. М. Горький довольно точно подметил: «Оригинальнейшая черта русского человека, – в каждый конкретный данный момент он искренен»¹⁸. Искренность отражает уди-

¹⁸ Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). – М., 1990. – С. 142.

вительную *гибкость ценностного мира русского человека*, логически следующую из идеи возможности и необходимости соединения «несоединимого».

Прослеживается ее влияние в сознании наших соотечественников еще и сегодня, пожалуй, наиболее ярко выражаясь в крайне популярных лозунгах о «стремлении к добру и справедливости», с одной стороны, и всеобщим распространением неуважения к конкретной личности и, особенно, к праву и собственности, с другой. В среде интеллектуальной элиты данная ментальная установка, действительно, проявлялась как стремление к интеграции, которым отмечено вся история философской мысли в России, возможно, нашедшее наиболее полное воплощение в философии всеединства В.С.Соловьева, который, впрочем, существенно «откорректировал» его в контексте гностической иудейской «идеи избранничества».

Сегодня, как представляется, наиболее возможны **две эпистемологические позиции** в отношении *противоречивых констант русской ментальности*.

Одна из них связана с выделением в них отдельных фрагментов и построении *одномерных интерпретаций* прошлого, настоящего и будущего. По такому принципу выстраивается большинство идеологически ангажированных концепций (от коммунистических до националистических).

Другая эпистемологическая установка предполагает попытку возвратиться к просматривающейся на протяжении всей истории отечественной культуры и цивилизации линии на *интеграцию социальности и культурно-антропологического многообразия* (то, что часто мифологизируют в концепте «соборности»), как представляется, до конца нами не оцененной. И речь идет не только о русских философских исканиях в XIX–XX веках, но о и тех импульсах, которые породила сама народная среда, в которой возник особый тип «мечтателя из народа», самобытного конструктора социальной реальности, ее интегратора. В. Шукшин в свое время представил его в качестве одно из типов своих «чудиков». И не случайно этот образ не воспринимается сторонниками *одномерного прочтения русской культуры*.

Очевидно, в контексте отечественной истории заслуживает особого внимания оценка противоречивой позиции и роли российского государства и его «управленческих интеллектуалов». Объективно, именно они должны были стать интеграторами общества, снимая противоречия, порождаемые «русской матрицей»¹⁹. Но, на наш взгляд, трагедия России в том, что подобную роль государство и интеллектуалы-управленцы играли лишь в относительно короткие периоды истории, обычно прерывавшиеся войнами, революциями или бунтами. Очевидно, следует понять: почему государство в России не превратилось в действенного медиатора социальной среды, культурного многообразия и человеческой свободы, хотя именно здесь эта его функция была бы наиболее востребованной?

Добровольно или вынужденно отказываясь от ее исполнения, олигархически ориентированное государство и его управленцы-«интеллигенты», подменяли и до сих пор подменяют реальный процесс управления его *имитацией*²⁰, а собственную неспособность решать конструктивные задачи оправдывает через своих идеологов, в роли которых выступают современные ультралибералы, продуцирующие очередные исторические ужасники в виде «руссофобской матрицы», которые должны показать русским людям их изначальную неполноценность.

Нам надо избавляться как от «национальной мании величия» и от «комплекса национальной неполноценности», так и от ужасов «матрицы руссофобии». Они нас пугают, но нам почему-то не страшно...

¹⁹ См.: Бабинцев В.П., Римский В.П. Социология смутного времени: проблема адекватной методологической парадигмы // Научные ведомости БелГУ. «Философия. Социология. Право» – №4(44). – Вып. 3. – Белгород, 2008. – С. 30–39.

²⁰ Имитации представляют собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы подменяются демонстрацией, декорацией и декларацией. См.: Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. – 2012. – №5. – С. 27; Бабинцев В.П. Интеллектуальная деконструкция имитационного консенсуса как возможность // Власть. – 2012. – № 6. – С. 25–30.

Список литературы

1. Альтман М.С. Достоевский. По векам имен. Саратов, 1975.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социо-культурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск, 1997.
3. Бабинцев В.П., Римский В.П. Социология смутного времени: проблема адекватной методологической парадигмы // Научные ведомости БелГУ. «Философия. Социология. Право». – №4(44). – 2008. – Вып. 3. – С. 30-39.
4. Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004.
5. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. – М., 1991.
6. Горький, М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). – М., 1990.
7. Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: коллективная монография / под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2012.
8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I-X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 14. – Л., 1976.
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. XI-XII. Эпилог. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 15. – Л., 1976.
10. Ерасов В.С. Социальная культурология.: Пособие для студентов вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1997.
11. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры: учеб. пособие. – М.: Аспект-Пресс, 1997;
12. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992.
13. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 1991.
14. Померанц Г.С. Выход из транса. – М., 1995.
15. Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала (2009; Москва-Белгород). 4-я Всероссийская конференции «Проблемы российского самосознания», 27-29 мая 2009 г, Москва – Белгород. – М., 2010.
16. Римский В.П., Трунов А.А. Мифология модерна и постмодерна в контексте христианского толкования истории // De die in diem: Памяти А.П. Пронштейна. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 93-109.
17. Римский В.П. Метаморфозы мифологии модерна и национально-либеральный проект «модернизации» России // Россия: духовная ситуация времени. – М., 2007. – №3-4. – С. 35-45.
18. Римский В.П. Отложенные кризисы этноидентичности в современной России: теоретические стереотипы и политические мифы // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №20 (115). – Вып. 18. – Белгород, 2011. – С. 359-367.
19. Римская О.Н., Римский В.П. Современное мифосознание и субкультурные религии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (128). – Вып. 20. – Белгород, 2012. – С. 67-74.
20. Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 3-39.
21. Тоталитаризм как исторический феномен. – М.: Философ. общ-во СССР, 1989; и др.
22. Янов А.Л. Русская идея и 2000-й год. Главы из книги // Нева. – 1990. – №9. – С. 143-164; № 10. – С. 151-175; № 11. – С. 150-175; № 12. – С. 162-171.

MATRIX OF RUSSOPHOBIA AND THE MENTAL ANTHROPOLOGICAL TYPE OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA

V.P. BABINTSEV¹

V.P. RIMSKIY²

Belgorod State National Research University

¹*e-mail: babintsev@bsu.edu.ru*

²*e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru*

The paper critically discusses the russophobic political and ideological pseudo-scientific discourse which dates back to the beginning of the XIX-th century and which constantly emerges in various forms in Russian scientific, philosophical and cultural texts and contexts.

Key words: Russian matrix, matrix of Russophobia, mentality anthropological type, cultural archetypes, Russian cultural and civilizational systems, intellectuals, intelligentsia.